

– Ты себя чувствуй, чувствуй! Себя надо чувствовать! И вести себя надо. Ты себя веди [1, с. 113].

Фразеологизмы Вен. Ерофеев заменяет прямым значением составляющих их слов, так что их семантика меняется, получая комедийное наполнение. И все это экспромтом, безо всяких усилий, на ходу.

Словесный карнавал, активное словотворчество – вообще неотъемлемая примета увеселения себя в ерофеевской компании.

«Ну, конечно, эпицентром был Вения. Смех заражает сильнее, чем зевота, и лучше помирать со смеху, чем с тоски» [1, с. 109], – замечает Авдиев. Автор приводит многочисленные примеры игры со словом, которой ерофеевская когорта охотно предавалась. Например, у слова отсекалась начальная часть *не*, а оставшаяся интерпретировалась в утвердительном значении. Под выпивку рождались многочисленные окказионализмы – свидетельство одаренности ерофеевской братии:

– О Тихонов, ты недоумок!

– Почему же, очень даже доумок!

Слезы смеха брызнули и потекли беззвучно.

– Ты хочешь сказать, Тихонов, что ты – доучка! О доносок наглядный! О годяй и дотыка!

– Вежа и вежда! Взрачный и навистный!

– Дужный и настный! Такого взгоды не одолеют! <...>

– ...Тихонов, дай еще пожить... Ой, мамочки, – Вения катался с боку на бок» [1, с. 105].

Велась также изобретательная игра с фразеологизмами, включаемыми в новые словосочетания, получавшие комедийную окраску:

– ... пойду умоюсь слезами...

– А ты умойся невидимыми миру слезами... [1, с. 106].

Популярен был цитатный язык вообще. Отправлявшегося в магазин за спиртным Вен. Ерофеев напутствовал словами:

– Беги, Авдяша. Беги в эти «гражданские сумерки», – как говорил граф Салтыков-Щедрин в прошлом веке...» [1, с. 106].

Постоянное цитирование, особенно стихов, указывает на обширную начитанность Вен. Ерофеева и его окружения, олитературивание той жизни, какой они жили.

Обстановка сборищ сравнивается И. Авдиевым с карнавалом в Телемском аббатстве Рабле, «куда пожаловали все скоморохи Господа Бога» [1, с. 109].

В этой атмосфере и родилась поэма «Москва – Петушки», куда Вен. Ерофеев поместил в качестве персонажей своих друзей, ввел выработанный в общении с ними язык, запечатлел по всем внешним показателям безнадежный, но творчески плодоносный период своей жизни. Из «валявшегося под ногами» он создал шедевр.

Литературный портрет Вен. Ерофеева, созданный в воспоминаниях Авдиева, – яркий и достоверный; он сохраняет для потомков живой облик писателя, со временем наделенного мифотворческим ореолом.

Литература

1. Авдиев, П. [О Венедикте Ерофееве] / И. Авдиев // Театр. – 1991. – № 9.

Н. В. Соловьёва (Беларусь)

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ТИТУЛА ЦАРЬ

Царь, пожалуй, самый известный и в то же время загадочный титул русских правителей. Как правило, *царь* рассматривается как результат

стяжения традиционного титула римских императоров: *царь* < *цѣсарь* (лат. *caesar*), что, казалось бы, вполне подкрепляется историей употребления его в составе великокняжеской титулатуры: впервые именование *царь* появляется в титулатуре Ивана III, известного своей деятельностью по централизации и укреплению власти московского князя и недвусмысленной претензией на величие византийских василевсов. Примечательно, однако, что титул *царь* фигурирует в составе именовании Ивана III только лишь в отношениях с иностранными выборными органами власти – городскими советами и их представителями, в то время как в составе официальной титулатуры московского князя в дипломатической переписке с европейскими монархами титул *царь* отсутствует (ср., например, официальный титул Ивана III в интитуляции грамоты 1489 г., адресованной императору Фридриху III: *Иоаннь, Божією милостію Великіи Государь всеа Русі <...> Свѣтлѣйшему и наяснѣйшему Фердеріку Римскому Цесарю и Кралою Ракусскому и иных* [2, с. 5]).

В качестве своего рода признания императорского титула за московским правителем выступает текст договора 1514 г. между Максимилианом I и сыном Ивана III Василием, где в оригинальном, написанном по-немецки документе великий князь вслед за императором именуется «кайзером», которому в русском переводе соответствует *цѣсарь*. Ср.: *Wir Maximilian von Gotes Genaden, Erwelter Rymischer Kõyser <...> mit dem Grosseem Herrn Basili von Gotes Genaden Kõyser unnd Herscher aller Rewssen (= Мы Максиміліанъ Божією милостію Избранный Римскіи Цесарь <...> съ нашимъ братомъ Великімъ Государемъ Василиемъ, Божією милостію Цесаремъ и обладателемъ Всероссійскимъ)* [4, с. 62]. Хотя договор впоследствии был признан недействительным, и в дипломатических документах московского князя «кайзером» больше не именовали, был создан прецедент для внесения изменений в состав официальной титулатуры Василия III. С этого времени московский государь последовательно именуется себя «царем», в том числе при взаимодействии с европейскими монархами, хотя официально титул он так и не принял. При этом примечательно, что в дипломатическом общении московской канцелярии с канцелярией императорской титулы *царь* и *цѣсарь* последовательно разграничиваются: *цѣсарь* только по отношению к императору, *царь* только по отношению к великому князю: *Великіи Государь Василеи, Божією милостію Царь и Государь всеа Русіи и Великіи Князь велѣлъ тебѣ говорити: и братъ нашъ избранныи Цесарь Римскіи и навѣшійи Король Максиміліанъ <...>* [2, с. 202].

Дифференцированное употребление этих титулов в дипломатической переписке регулярно отмечается и в более позднюю эпоху. В документах Ивана IV (первого официально принявшего титул русского царя), Федора Ивановича и Бориса Годунова, адресованных правителям Священной Римской империи, *царь* / *цѣсарь* не взаимозаменяемы и не дублируются, что ставит под сомнение их семантическое и возможное этимологическое тождество.

В свое время Н. М. Карамзин предположил «восточное», вероятней всего, древнеперсидское происхождение слова *царь*, которое стало известно славянам благодаря переводам библейских текстов. Этому предположению вполне созвучно справедливое замечание В. В. Колесова о том, что в новозаветных переводах титул *царь* (< *цѣсарь*) употребляется лишь по отношению к римскому императору, однако «после 1267 г. царем стали называть также главу Орды, отчасти по недоразумению, поскольку произношение этого слова совпадало с соответствующим тюркским определением к титулу владыки земли и неба» [1, с. 269]. Вероятно, речь идет о др.-перс. *sar* – ‘глава, руководитель’, хотя потенциально «созвучные» слова с соответствующей семантикой отмечаются и в дру-

гих древних восточных языках (ср. др.-евр. רש – ‘предводитель, начальник’, аккад. *šarrūt* – ‘царь, руководитель’). В этой связи интересно заметить, что именно славяноязычная традиция именовать нехристианских правителей «царями» стала официальным аргументом в нежелании польского короля Сигизмунда–Августа признать этот титул за Иваном IV (подробнее об этом см. в [5]).

Таким образом, вполне закономерным будет предположить существование в русском языке XV–XVI вв. двух различных по природе и семантике омонимов, появление которых в немалой степени стало возможным в силу сложившейся традиции сокращения слов, написания «под титулом»: 1) *царь* «западный»: *црь* < *цъсарь* и 2) *царь* «восточный»: *црь* < *sar*. Вместе с тем есть достаточные основания считать, что титул московского государя не соотносится в полной мере ни с одним из них. «Восточный» *царь* – это, скорее, указание на определенный общественный статус вождя или начальника; этот статус не исключает возможности подчинения руководителю более высокого ранга: и *нынѣ при насѣ* (Василии III) *въ нашихъ Государствѣхъ по тѣмъ мѣстамъ живутъ Цари и Царевичи нашимъ жалованіемъ да и инымъ многимъ Царемъ и Царевичемъ, которые намъ служатъ, даемъ въ своихъ Государствѣхъ жалованіе* [2, с. 288]. Русский же «царь» не подчинен никому, кроме Бога, и является непосредственным наместником Бога на земле – это закрепляется религиозным обрядом венчания на царство и подтверждается грамотой вселенского патриарха [3]. В то же время сакрализация царской власти, идея ее божественного происхождения вступает в противоречие с выборным характером власти «цесарской», которая декларировалась в том числе и в титулатуре императора. Ср.: *избранныи Цесарь Римскіи и наышшии Король Максимилианъ* [2, с. 202]. Отсюда намеренное разграничение «царя» и «цесаря», правителя «от Бога» и правителя «от людей».

Таким образом, русский «царь» – это результат взаимодействия восточной и западной культурных традиций эпохи позднего средневековья, которое разворачивалось на фоне непростой геополитической ситуации, связанной с укреплением и централизацией власти московского князя, и под влиянием мессианско-эсхатологических мотивов доминирующей в то время в русском обществе идеологической концепции «Москва – Третий Рим». В результате этой причудливой контаминации культурно-языковых смыслов на рубеже XV–XVI веков в русской культуре формируется один из ключевых, наиболее самобытных и загадочных ее символов – «русский царь».

Литература

1. Колесов, В. В. Мир человека в слове Древней Руси / В. В. Колесов. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1986. – 312 с.
2. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Ч. 1: Сношения с государствами европейскими. Памятники дипломатических сношений с Римской Империей. Т. I: (1488–1594). – СПб. : Типография II Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1851. – 1600 с.
3. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви утверждающая сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года (изд. к. М. А. Оболенским). – Москва : Синодальная типография, 1850. – 50 с.
4. Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел. Ч. 5 : [Договоры России с европейскими и азиатскими государствами (1326–1584)] / Предисл. Ф. Бюлер. – М., 1894. – 202 с.
5. Соловьёва, Н. Титулатура монарха в контексте внешнеполитического дискурса Великого княжества Литовского и Московского царства в конце XVI века (на материале «Метрики Великого княжества Литовского» 1585–1600 гг.) / Н. Соловьёва // *Slavica Slovaca*. – 2019. – Vol. 54. – P. 103–111.